УДК 93+908

Иевлева О.И.[1]

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СУХИНИЧСКОГО ОКРУГА ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Калужский государственный университет им. К.Э Циолковского

Ievleva O. I.

THE OPPOSITION OF THE PEASANT POPULATION SUKHINICHI DISTRICT POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT

Kaluga state University named after K.E. Tsiolkovsky

Реферат: *В статье с опорой на архивные документы из фондов Государственного архива Калужской области (ГАКО), Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО), Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) раскрываются некоторые аспекты механизма противодействия крестьянского населения Сухиничского округа политике советского правительства, реализуемой в 1929 – 1930 гг. Сухиничский округ был образован в рамках административно – территориальной реформы в 1929 г. В состав округа были включены Барятинский, Думиничский, Мещевский, Козельский, Мосальский, Павлиновский, Спас – Деменский, Сухиничский, Юхновский, Плохинский и Всходский районы, ранее являвшиеся частью Калужской губернии.*

Ключевые слова: *хлебозаготовки, коллективизация, раскулачивание, вредительство, агитация, террористические акты, крестьянское недовольство.*

Abstract*: The article based on archival documents from the collections of the State archive of Kaluga region (GAKO), the State archive of documents of contempo-*

[1] Иевлева Ольга Ивановна – аспирант Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

rary history in Kaluga region (CADNICA), State archive of contemporary history of the Smolensk region (GANSO) reveals some aspects of the mechanism of resistance of the peasant population Sukhinichi district policy of the Soviet government, implemented in 1929. – 1930. Sukhinichi district was formed within the administrative – territorial reform in 1929. In the district were included Baryatinsky, Duminichsky, Medeski Kozelsky, mosal, Pawlikowski, Spas – demensk, Sukhinichi, Yukhnovsky, Pluchinsky and Vskhodskim areas, formerly part of the province of Kaluga.

Key words: *grain procurements, collectivization, dekulakization, sabotage, propaganda, terrorist acts, peasant discontent.*

Власти Сухиничского округа впервые столкнулись с кулацким сопротивлением во время проведения хлебозаготовительной кампании 1929г. С самого начала хлебозаготовительная кампания была связана с активными действиями сельской общественности. При сельсоветах создавались комиссии содействия хлебозаготовкам, в которые входили: председатель сельсовета, представители селькресткома и представители групп бедноты. Комиссии совместно с бедняцким активом выявляли зажиточных крестьян, имеющих излишки хлеба, и разъясняли им о необходимости немедленной сдачи хлеба в заготовительные органы. Однако кулаки и зажиточные крестьяне округа не спешили сдавать хлеб.

За невыполнение контрольного задания к ним применялись «меры принудительного взыскания путем составления описей имущества» [1, д. 39, л. 83]. Так, в Брынском сельсовете Думиничского района за отказ сдавать хлеб, у Прохоровцева Алексея описали сарай, лошадь и две коровы, Карпов Михаил был оштрафован в трех кратном размере. Кроме того, у него описали дом, с продажи которого выручили 500 рублей [1, д. 39, л. 83].

Терявшие свою экономическую независимость крестьяне не

могли не реагировать на проводимую политику партии в деревне.

Согласно докладной записке окружного комитета ВКП (б) «О ходе гарнцевого сбора и хлебозаготовок по Западной области на 25 сентября 1929 г.» от 15 октября 1929 г., в ряде районов зажиточно – кулацкая часть деревни распространяла различные провокационные слухи вокруг хлебозаготовок. В городе Спас – Деменске, бывший торговец, лишенец, распространял слух, что Советская власть в обязательном порядке будет отнимать у крестьян излишки хлеба и будет оставлять только по 20 пудов [5, д. 37, л. 13].

В д. Боныкино Мосальского района во время митинга по вопросу о хлебозаготовках кулак говорил: «Вот забрались антихристы на трибуну, брехать умеют, дай им хлеба, а у самих нет гвоздей, табаку» [5, д. 37, л. 13].

Агитация кулачества в большей степени велась среди индивидуальных хозяйств. Случаи открытого выступления были зафиксированы только в Козельском и Сухиничском районах. Они проявлялись следующим образом: кулаки приходили на сходку, заявляли о том, что у них в деревне кулачества нет, что нужно делить план заготовок по едокам, что Советская власть скоро падет, потому что ничего не стало, что скоро станут коров брать и лошадей… [2, д. 4, л. 63].

Конечно же, слухи сеяли сомнения в крестьянских умах, однако не срывали хлебозаготовок, поэтому наряду с агитацией, кулаки занимались прямым вредительством. Этот факт прекрасно представлен в отчете окружного прокурора Лапина от 14 ноября 1929 г. Приведем ряд ярких примеров. На ссыпном пункте в Мещевске, Купина Дарья, кулачка, член сельского совета Аброскин Федор, кулак, Колганов, зажиточный хуторянин, привезли на ссыпной пункт сдавать хлеб. Первый насыпал песку в сдаваемый хлеб 1пуд 20 фунтов, второй 1пуд 30 фунтов и третий 1 пуд 20 фунтов [2, д. 4, л. 63].

В Барятинском и Сухиничском районах были зафиксированы слу-

чаи, когда кулачество привозило сдавать явно недоброкачественный хлеб, перемешанный с глиной и грязью [2, д. 4, л. 63].

Однако крестьяне не ограничивались только агитацией и вредительством. Кулаки в Сухиничском округе переходили к физической расправе над активистами и сторонниками политики Советской власти. 8 октября 1929 г. в поселке Серпейске Кундуков Григорий Степанович избил члена Иванковского сельского совета Киреева Григория Алексеевича. Киреев занимался выполнением плана по хлебозаготовкам, выявлял все доходы зажиточных граждан для обложения хлебными излишками. Другими участниками данного дела были зажиточные кулаки поселка «Красный гай» Теплов Дмитрий Васильевич, Королев Григорий Степанович, Кузьмин Иван Ильич и Кузьмин Павел Федорович, которые заранее договорились убить Киреева Григория…» [2, д. 15, л. 15].

7 ноября 1929 г. в 5 часов вечера в д. Хотенки Козельского района зажиточные крестьяне, которые выступали против хлебозаготовок, подожгли сарай с хлебом и кормом середняка Андрюшина. Он работал членом комиссии по хлебозаготовкам, подавая пример, сам сдал добровольно 50 пудов картофеля [5, д. 58, л. 29-31].

Число антисоветских преступлений в Сухиничском округе за 1929 г. пропорционально возрастало в месяцы усиленного нажима на капиталистические элементы.

5 января 1930 г. в 18.00., еще до начала сплошной коллективизации и раскулачивания крестьян в округе, окружной прокурор созвал совещание по вопросу «борьбы с кулацкими выступлениями». Подводя итоги за 1929 г., Лапин отметил, что за последнее время в округе значительно возросла террористическая деятельность со стороны кулацкого и прочего антисоветского элемента (так отмечалось в документе), которая выражалась в уничтожение путем поджогов имущества колхозов, общественных амбаров с семенным зерном, складов – зернохранилищ, потребобществ (Коробец – Павли-

новского района, Серпейск – Мещевского района); в организации нападений на колхозников, при выезде последних на поле для работы по весеннему севу. Причем, нападения производились не самими кулаками, а организованной ими, толпой наиболее отсталого бедняцкого и середняцкого элемента (село Попелево Козельского района). Отмечены были случаи перепахивания земельными обществами земли, запаханной колхозами (деревня Пронино, Спас – Деменского района). В отдельных моментах кулак переходил к методам физического уничтожения общественников и колхозов (ранен из огнестрельного оружия председатель колхоза Плохинского района, деревни Речицы)» [2, д. 15, л. 15].

Сводка о количестве контрреволюционных дел, прошедших через Сухиничские судебные органы за 1928г. и 1929г. позволяет говорить о том, что за 1929 г. на территории Сухиничского округа было совершено 76 антисоветских преступлений [2, д. 21, л. 20]. 46 дел, квалифицированны по статье 58-8 (совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций) [7, ст. 330] и 58-9 (разрушение и повреждение государственного и общественного имущества) [7, ст.330]. В 19 случаях преступления были направлены против работников советского аппарата, в 13 случаях – против общественников, которые распределялись следующим образом: 3 преступления против селькоров, 1 – против учителя, 2 – против женщин, 8 – против членов колхозов [2, д. 21, л. 20].

Необходимо отметить, что из 76-ти антисоветских преступлений на территории округа в 1929 г. было совершено 1 убийство, 4 покушения на убийство, 2 покушения на избиение, 2 случая нанесения ранений, 19 случаев нанесения побоев и 16 поджогов [2, д. 21, л. 20].

В сводке отмечалось, что 16 террористических актов совершено в протест хлебозаготовкам, 2 акта против налогового обложения [2, д. 21, л. 20].

Дополняя выше сказанное, в протоколе совещания работников следствия и прокуратуры Сухиничского округа, состоявшегося 15 января 1930 г., окружной прокурор отмечал: «Мы знаем случаи, когда по статье 58-10 УК (пропаганда и агитация) в деле фигурируют в качестве обвиняемых середняки, а иногда, даже, бедняки. Ясно, что середняк и бедняк не заинтересован агитировать против мероприятий Советской власти, а поэтому всегда нужно иметь такую установку, что агитация направлена со стороны зажиточных и кулаков. По этим делам подходить к беднякам нужно очень осторожно» [2, д. 18, л. 34].

Итак, проводимая советским правительством политика в деревне к концу 1929г. породила многочисленные и разноплановые конфликты, в которые оказались втянуты разные категории крестьянского населения. Наряду с кулаками, свое недовольство выражало беднейшее крестьянство. Подобные дела квалифицировались по статье 58-10 (агитация). На начало 1930 г. в округе было рассмотрено 148 дел, связанных с проведением агитации. В 84 случаях рассмотрение дел закончилось обвинением кулаков. 59 агитационных дел были связаны с середняками, служащими и зажиточными. В пяти случаях обвинили бедняков и батраков [2, д. 21, л. 20].

В отношении трех кулаков, в качестве наказания, суд применил высшую меру – расстрел. К пяти кулакам суд применил лишение свободы от 5 до 10 лет [2, д. 21, л. 21].

Если во время хлебозаготовок и раскулачивания основными репрессивными органами были местные власти, то позже все репрессии вошли в полномочия ОГПУ. Главным инструментом реализуемой на деле карательной политики ОГПУ стала практика незаконного осуждения и заключения, юридически обоснованная в 58-ой статье Уголовного кодекса. В действительности формулировки 58-ой статьи были максимально расширены, что позволяло осудить практически любого человека [6, с. 105-111].

Итак, после того как попытки крестьян отстоять свои права были окончательно сломлены, репрессивные меры ужесточились. Теперь для осуждения было достаточно того, что человек назывался «крестьянин» или был не согласен с политикой советской власти. Обвинительные приговоры крестьян по 58-ой статье стали нормой.

Окружной прокурор, на упомянутом ранее совещании 5 января 1930 г. требовал от народных следователей, работников милиции, райуполномоченных окротдела ОГПУ, чтобы любое проявление крестьянского недовольства автоматически, без особого разбирательства квалифицировалось по 58 статье УК [2, д. 15, л. 3]. Подобные дела должны были возбуждаться исключительно в отношении классово – чуждых элементов (кулаков, зажиточных, бывших помещиков, торговцев, попов, жандармов, городовых). Редким явлением могло быть возбуждение дел против середняков и бедняков, если отдельные представители этой прослойки крестьянства играли в данном конкретном деле роль технического исполнителя теракта и другой контр – революционной работы» [2, д. 15, л. 3].

Действительно, согласно данным окружной прокуратуры, к началу 1930 г. три середняка и один бедняк, чьи дела были квалифицированы по статье 58, получили наказание в виде лишения свободы сроком от 3 до 5 лет. Четырех середняков и одного служащего лишили свободы сроком от 1 до 3 лет. В отношении одного середняка суд применил принудительные работы [2, д. 21, л. 20]. «Признанные кулаки – те, кого считали таковыми в деревне или кого занесли в списки кулаков местные избирательные комиссии, - оказались в положении прокаженных» [8, с. 54], однако сдаваться они не спешили, напротив, кулак был готов к длительной борьбе за свои позиции.

Уже после начала реализации в жизнь постановления от 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое сопровождалось методами насилия и

принуждения, росло массовое крестьянское недовольство еще больше подкрепляемое несогласием с произволом местных властей, ярко проявившимся при проведении раскулачивания, при обобществлении крестьянского скота. Местные власти осуществляли раскулачивание с нарушениями, оставляя кулаков без средств к существованию, осуществляли обобществление всего скота у крестьян, вступающих в колхоз, вовсе не задумываясь о последствиях таких действий.

Однако, последствия не заставили себя ждать. Зимой 1929–1930 гг. в округе начался массовый убой скота, который нанес большой ущерб сельскому хозяйству. Не только зажиточные крестьяне, сопротивлявшиеся обобществлению находящегося в их частной собственности скота, но и середняки сбрасывали скот перед вступлением в колхозы. В крестьянской среде стали говорить: «В колхозы, но с пустыми руками» [4, д. 92, л. 17].

Причина такой ситуации кроется в ошибках властей при создании колхозов, в «перепрыгивании» через артель к коммуне, в стремлении немедленно обобществить весь крестьянский скот, включая и мелких животных. Вот почему, кулаки, уничтожая и продавая скот, стремились превратиться в середняков. Значительная часть середняков в свою очередь также распродавала скот и инвентарь перед вступлением в колхозы, не желая передавать свое имущество в общее пользование с теми, кто ничего не имел. Наиболее дальновидные кулаки «самораскулачивались» и переселялись в города на стройки. Следствием такой политики в регионе стало снижение сельскохозяйственного производства и разорение деревни.

Весной, несмотря на все мероприятия центрального руководства по смягчению ситуации в стране, исправление перегибов в деле коллективизации и раскулачивания шло медленно. Состояние колхозов оставляло желать лучшего. Попрежнему, раскулачивали не только кулаков, но и середняков, даже бедняков, разбазаривали имущество

раскулаченных, присваивая ценные вещи.

Количество мероприятий, противостоящих политике советской власти, в округе весной возросло. Начальник Сухиничского Окружного Административного отдела в приказе № 137 от 23 апреля 1930 г. дал следующую характеристику сложившейся ситуации: «Рост социалистического сектора, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве увеличивается с каждым днем. Одновременно с этим увеличивается вредительская деятельность кулацко – нэпмановской части деревни. Основная цель кулацкой мести – подорвать устои социалистического строительства и замедлить темп его дальнейшего развития [3, д. 2, л. 81].

К лету в Сухиничском округе поджоги вошли в систему. Так, в с. Коробец Павлиновского района днем, на глазах сторожа, был совершен поджог хлебо – хранилища, где сгорело 7 тонн пудов хлеба. Вскоре произошел пожар фосфоритного завода во Всходском районе, убытки которого определялись в 18 тысяч рублей. Поджог скотного двора в Спас – Деменске привел к гибели 30 свиней, 18 коров и 3 лошадей. Ущерб оценивался в 8 тысяч рублей. Поджог колхозников в Козельском и Барятинском районах. Пожар в деревне Гусово, где сгорело 32 двора. Пожар в с. Зимницы Думиничского района, в котором сгорело 49 хозяйств [3, д. 2, л. 81].

Стоит отметить, что были случаи пожаров с человеческими жертвами. Все это произошло в чрезвычайно короткий отрезок времени – две недели.

Конечно, остановить маховик машины, поставившей на поток массовое создание колхозов, зажиточная часть деревни не могла. Вредительская деятельность могла лишь показать их несогласие с политикой, проводимой сталинским руководством в деревне.

Недовольные крестьяне в округе прибегали также к убийствам и избиениям. В связи с этим ценным документом являются «Сведения по делам о контр – революционных

преступлениях за период с 1мая по 1июня 1930 г.» [2, д. 21, л. 176]. За отчетный период в округе было совершено 10 убийств, 11 покушений на убийство, 12 избиений и ранений и 13 поджогов [2, д. 21, л. 176]. 14 преступлений были совершены против представителей советской власти, 15 – против рабкоров, 16 – против селькоров, 17 – против колхозников, 18 – против бедняков активистов, 19 – против рабочих ударников, 20 – против инженерно – технического персонала, 21 – против учителей, 22 – против агрономов и 26 – против членов и кандидатов ВКП (б) и ВЛКСМ [2, д. 21, л. 176].

По проверенным данным 37 совершенных преступления были связаны с посевной кампанией, 38 преступлений совершены против хлебозаготовок, 39 – против налоговой политикой, 40 преступлений были направлены против коллективизации сельского хозяйства и 41 – против поднятия производительности труда на предприятиях [2, д. 21, л. 176].

Однако, не стоит ошибочно полагать, что все преступления – это только убийства, пожары и избиения. В их число также входят конфликты между колхозниками и единоличниками. В частности, единоличники в округе часто старались сорвать посевную кампанию (и это тоже расценивалось как преступление). Так, в Юхновском районе, в колхозе «им. Калинина», колхозники выехали в поле сеять. К ним пришли 7 женщин (середнячки). Они всячески оскорбляли колхозников, пугали лошадей. Одна лошадь с плугом убежала с поля [4, д. 10, л. 92].

В том же районе, в «Травкинской коммуне» молодежь (не колхозники) оскорбляли девушек – колхозниц, называли их проститутками [4, д. 10, л. 92]. В Козельском районе, в колхозе «Свой труд» крестьяне не могли начать сев. К ним в поле пришла группа из бедняков и середняков. Началась драка [4, д. 10, л. 92]. Подобная ситуация прослеживается во всех районах округа.

На этом фоне хотелось бы обратить внимание на тот факт, что все

преступления совершали бедняки и середняки. Возникает вопрос: почему? где кулаки?

Начальник Сухиничского окружного административного отдела объяснял это тем, что кулак сам боится явно выступать против политики Советской власти, а для этого агитирует бедняка и середняка. В действительности же, к лету 1930 г. в округе выселение кулаков закончилось. Контрольные цифры при выселении были значительно завышены. При выселении затронули как середняка, так и бедняка. Кулаков просто не осталось. Крестьяне были недовольны проводимой правительством политикой в деревне и через вредительскую деятельность проявляли свое недовольство. Правительство то форсировало темпы коллективизации, то замедляло. Такая расстановка дел привела к дестабилизации общества. В конфликты были втянуты разные категории крестьян. Несмотря на все старания центра, примирения в обществе не произошло. Безусловно, местные власти не могли бездействовать.

В резолюции приказа № 137 начальника Сухиничского Окружного Административного отдела говорилось: «Всем начальникам РАО, Инспекторам, а там где таковых нет, агентам Розыска по округу по получению извещения с мест немедленно выезжать на место совершения преступления, не ограничиваясь формальностью – оформление дела, а обращая внимание на политическое существо его» [3, д. 2, л. 81].

Фактически такая формулировка указаний провоцировала применение расширенного толкования 58-ой статьи, что позволяло в кратчайшие сроки осудить значительное количество людей. При этом объективность следствия не только была нарушена, о ней вовсе забыли. Для обвинения было достаточно проявления несогласия с коллективизацией и политикой партии в деревне.

Список литературы

1. ГАКО. Ф. Р. 1103. Оп. 1.
2. ГАКО. Ф. Р. 1183. Оп. 1.
3. ГАКО. Ф. Р. 2828. Оп. 3.
4. ГАДНИКО. Ф. П. 91. Оп. 1.
5. ГАНИСО. Ф. Р. 29. Оп. 1.
6. Караман В.Н. «Доказательств нет, а посадить надо». Методы репрессивной политики ВКП (б) в 1930-е годы //Россия и АТР. 2004. № 4. С. 105-111.
7. СУ РСФСР. № 49. Ст. 330.
8. Фицпатрик, Шейла. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия. 2001. 422 с.

Reference

1. GAKO. F. R. 1103. Op. 1.
2. GAKO. F. R. 1183. Op. 1.
3. GAKO. F. R. 2828. Op. 3.
4. GADNIKO. F. P. 91. Op. 1.
5. GANISO. F. R. 29. Op. 1.
6. Karaman V.N. «Dokazatel'stv net, a posadit' nado». Metody repressivnoj politiki VKP (b) v 1930-e gody //Rossija i ATR. 2004. № 4. S. 105–111.
7. SU RSFSR. № 49. St. 330.
8. Ficpatrik, Shejla. Stalinskie krest'jane. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija. 2001. 422 s.